

Материалы к биографиям ученых и инженеров

Б. С. СОКОЛОВ

В. И. РОБОРОВСКИЙ — ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Этот небольшой очерк посвящен моему тверскому земляку — В. И. Роборовскому и его ближайшему окружению по географическим исследованиям в Центральной Азии, составившим целую эпоху в континентальном страноведении.

Я давно собирался написать о нем, но подтолкнули меня к этому два обстоятельства — получение в июле 2000 г. книги Ю. Н. Рериха [1] и залпом прочитанный вдвоенный том «Петербургского Рериховского сборника» [2], составленного с превосходными комментариями В. Л. Мельниковым на основе архивного наследия семьи Рерихов, оберегаемого Л. С. Митусовой — племянницей Е. И. Рерих и внучкой известного археолога кн. П. А. Путятин. Оказалось, что в этом томе на с. 208 помещена фотография совсем юного Ю. Рериха с няней в селе Березки — на том самом месте, где семья моих родителей поселилась в 1920 г. и где я в последние годы провожу лето. И удивительное совпадение — как раз в это время я был осчастливлен двумя совершенно неожиданными визитами: приездом (24 и 29 июля) Л. С. Митусовой, В. Л. Мельникова и С. В. Медведева с их коллегами из самарского издательства «Агни» и приездом (19 августа) удомельского краеведа и геохимика Б. К. Виноградова, специально занимающегося изучением географической деятельности В. И. Роборовского в Центральной Азии и близко связанного с такими известными краеведами, как Н. А. Архангельский и Д. Л. Подушков. Благодаря этим встречам я познакомился с ранее неизвестными мне сведениями о Роборовском и его семье [3; 4].

Издание пятитомника избранных трудов выдающегося востоковеда и географа Ю. Н. Рериха — замечательное предприятие издательского дома «Агни» (Самара) и Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН. Первый том под общим названием «Тибет и Центральная Азия» вышел в свет в 1999 г. [1], и это, несомненно, стало значительным событием, затрагивающим интересы далеко не одних востоковедов. Среди статей сборника впервые опубликован очерк «Свен Гедин», побуждающий меня сделать некоторые комментарии, поскольку и мне в начале 40-х гг. посчастливилось пройти маршрутами знаменитых русских и шведских экспедиций в глубинах Центральной Азии.

Ю. Н. Рерих справедливо пишет: «В блестящем созвездии исследователей Центральной Азии два имени занимают особое место: Николай Пржевальский и Свен Гедин». Конечно, это так, но следует отметить, что без деятельного участия Императорского Русского географического общества и Генерального

*Н. М. Пржевальский
(1839–1888)*

штаба трудные и опасные центрально-азиатские экспедиции Н. М. Пржевальского (прежде всего поздние — 1880-х гг.) и, тем более, С. Гедина (1893–1897) не могли бы состояться: для них требовались и особое караванное снаряжение, и казачья охрана, и императорское покровительство [5]. Все это было у обоих. Но С. Гедина (считавшего Пржевальского самым выдающимся со времен Марко Поло путешественником в Азии) интересовали не только чисто географические и естественно-исторические изыскания, служившие единственной целью для Н. М. Пржевальского и его соратников. Ему при открытии новых земель с их неизведанной природой — флорой, фауной, населением и, конечно, их оро- и гидрографией, требовавшей кар-

тографического отражения, — такая поддержка была нужна в значительно большей степени.

Как известно, судьба отвела Пржевальскому очень короткий век, и из своих сорока девяти лет двадцать один год он посвятил географическим исследованиям в Азии, причем более десяти лет провел непосредственно в экспедиционном пути; уже в 39 лет он стал почетным членом Императорской Академии наук. Прирожденный путешественник-географ с ярким талантом организатора, человек военной складки, с непреклонной волей и выдающимися знаниями во многих областях страноведения, чрезвычайно наблюдательный и образованный орнитолог, он тем не менее отлично понимал, что для полноты и глубины новых исследований, особенно в области ботаники и зоологии, необходимы специально подготовленные помощники.

Несмотря на огромные трудности и препятствия, чинимые ему местными властями в последних экспедициях на подступах к Тибету, многие обстоятельства благоприятствовали успеху русской экспедиции. Одним из таких обстоятельств было и то, что Пржевальскому удалось подготовить и включить в ее состав двух первоклассных помощников — выпускника Гельсингфорского юнкерского училища, будущего полковника В. И. Роборовского и, несколько позднее, вольноопределяющегося П. К. Козлова. Оба ученика вскоре прославились своими собственными географическими открытиями.

Всеволод Иванович Роборовский родился 26 апреля (9 мая) 1856 г. в небогатой дворянской семье, владевшей небольшим имением Тараки (Андреевское)

на берегу реки Волчины близ села Овсище, лежащего примерно на половине пути из Вышнего Волочка в Удомлю. Все детские годы он провел в этой тверской усадьбе, природа которой имела решающее влияние на формирование его разнообразных натуралистических интересов, увлечение коллекционированием, географией и т.д. В этом оказалось его подлинное призвание, которому он не изменил ни в петербургской гимназии, ни в Гельсингфорском юнкерском училище. Широко освещаемые в те годы в печати географические открытия Н. М. Пржевальского в Центральной Азии, особенно в связи со знаменитым (вторым) Лобнорским путешествием [6], зародили в нем стремление посвятить свою жизнь изучению природы неизведанных стран.

Обстоятельства благоприятствовали этому стремлению. Вскоре по окончании училища Роборовский встретился со старым гимназическим товарищем Ф. Л. Эклоном — спутником Н. М. Пржевальского по Лобнорской экспедиции, а спустя некоторое время был представлен им Николаю Михайловичу, готовившему новую, третью, экспедицию, получившую название Первой Тибетской экспедиции Пржевальского [7]. Требовательный путешественник сразу оценил солидные знания Роборовского, его отменное здоровье, но особенно его привлек талант рисовальщика-натуралиста; вероятно, именно о таком спутнике Н. М. Пржевальский мечтал многие годы. Выбор состоялся. Для В. И. Роборовского, еще не достигшего 23-летнего возраста, это была первая экспедиция в Центральную Азию (1879–1880 гг.). Уже имевший опыт путешествий, Эклон стал первым помощником начальника, Роборовский — вторым.

Самой заветной целью Пржевальского было дойти до таинственной столицы Тибета — Лхасы и провести рекогносцировочные исследования в Тибете. Как известно, ему не удалось достичь этой цели. Несмотря на тысячелетнее владение Тибетом, императорское правительство Китая, под давлением Англии, провоцировало протест тибетцев против проникновения иностранцев в эту часть Азии, и Пржевальскому, не дойдя до Лхасы примерно 200–275 км, пришлось повернуть экспедицию обратно. Замечу, кстати, что на протяжении веков Тибет был либо недоступен для иностранных исследований, либо встречал пришельцев крайне неприветливо, и путешествия туда были сопряжены с прямой опас-

*В. И. Роборовский
(1856–1910)*

ностью для жизни. Это подтвердила и экспедиция Н. К. Рериха 1925–1928 гг. в Центральную Азию [1, с. 236–254]. Фактически положение оставалось таким же и во времена наших экспедиций в 1940-е гг. Только В. М. Синицыну впервые удалось добраться до Северо-Западного Тибета (1942) и Лхасы (1957) [8].

Однако несмотря на то что конечная цель третьей экспедиции Пржевальского так и не была достигнута, по своим научным результатам она была, вероятно, одной из наиболее успешных. Выйдя из Зайсана, путешественники пересекли всю Джунгарскую впадину, восточное погружение Китайского Тянь-Шаня в Гобийскую пустыню, западную часть Наньшаня, Цайдам, Куньлунь и дошли до истоков Янцзы и Меконга в Тибете; отсюда уже лежал обратный путь через Кукунор, вдоль Алашаня и Хуанхэ, огибавшей Ордос, и далее через всю Монголию до Кяхты [7]. Помимо важнейших картографических материалов, Роборовский привез из этой экспедиции гербарий, включающий 12 000 экземпляров растений, в том числе новые для науки виды. За результаты этой экспедиции Русское географическое общество присудило В. И. Роборовскому Малую золотую медаль.

Неутомимый Н. М. Пржевальский уже в 1883 г. выпустил отчет об этой замечательной экспедиции и немедленно приступил к подготовке нового двухлетнего путешествия (1883–1885), в конечном счете ставившего ту же цель — проникновение в заветный Тибет [9]. Своим заместителем — на этот раз старшим — он вновь избрал В. И. Роборовского, которому безоговорочно доверял, а вторым помощником стал П. К. Козлов. Экспедиция началась в октябре 1883 г. из Кяхты (российско-монгольская граница) и в своей первой четверти примерно повторила маршрут, завершивший Первую Тибетскую экспедицию в Монголии. При этом были исследованы северо-восточная окраина Тибетского нагорья, верховья великих китайских рек Хуанхэ и Янцзы, Кунлунь почти на всем его гигантском протяжении до Хотана и далее — западная окраина Такла-Маканской пустыни с пересечением Тянь-Шаня и выходом к озеру Иссык-Куль. Из этой экспедиции Роборовский, помимо превосходных зарисовок рельефа, типов народностей, животных и растений, впервые привез фотографии различных объектов, подтвердив таким образом полнейшую достоверность описываемых объектов и природных феноменов. Эти фотографии превосходно воспроизведены в первом издании отчета о путешествии методом фототипии [10].

Начальным пунктом очередной (пятой) экспедиции Пржевальского внутри Центральной Азии было избрано озеро Иссык-Куль. Здесь В. И. Роборовскому отводилась та же роль заместителя начальника. Но в самый канун готовившейся к отправке пятой Центрально-Азиатской (Третьей Тибетской) экспедиции осенью 1888 г. Н. М. Пржевальский внезапно заболел брюшным тифом и 20 октября скончался [11]. Похоронили его по завещанию на берегу озера Иссык-Куль в 12 км от Каракола (Пржевальска). Тяжесть непоправимой утраты и заботы о судьбе снаряжавшейся экспедиции сразу легли на плечи его помощников.

В 1970-х гг. я впервые оказался у надгробия Николая Михайловича и увидел на его могиле поразительный по своей эмоциональной силе памятник: скальный обелиск и опустившийся на его вершину бронзовый орел с раскинутыми крыльями — как бы в прерванном полете.

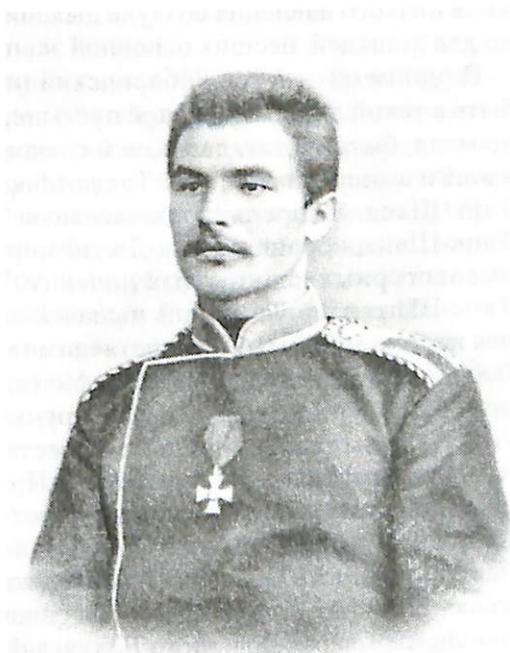
Конечно, Всеволод Иванович Роборовский вполне мог заменить своего учителя (см. [12, с. 866; 13, с. 572; 14]), и Русское географическое общество, справедливо полагаясь на его блестящий опыт, считало необходимым продолжение экспедиции [15]. Но глубочайшее уважение к памяти Пржевальского и скромность не позволили ни Роборовскому, ни Козлову занять его место, и Обществу не оставалось ничего другого, как назначить нового главу экспедиции. Таким оказался М. В. Певцов — несомненно опытный путешественник, отличавшийся, однако, от Пржевальского более мягким характером. Экспедиция также впервые пополнилась выдающимся геологом — горным инженером К. И. Богдановичем, впоследствии ставшим директором Геологического комитета России (1914–1917), а после крушения гитлеризма — Геологического института Польши.

Это была уже существенная реорганизация экспедиции. В прошлых путешествиях и рекогносцировках во Внутренней Азии Пржевальский сознательно отказывался от участия геолога, так как в геологических исследованиях видел самостоятельную задачу и особую важность и полагал, что присутствие геолога в экспедиции неизбежно привело бы к двоевластию, чего его характер допустить не мог [16].

В. И. Роборовский и П. К. Козлов становились, таким образом, помощниками Певцова в экспедиции, маршрут которой охватил Джунгарию, Кашгарию, Куньлунь и Северный Тибет. На долю Роборовского выпали наиболее тяжелые обязанности — по разнообразию чисто географических исследований в особо трудных маршрутах, в сочетании с продолжающимися ботаническими наблюдениями [17]. Зоологические наблюдения вел П. К. Козлов, а К. И. Богданович с большим успехом занимался геологией и позднее дал важнейшее обобщение по орологии Внутренней Азии (термин «орология» он, кажется, ввел впервые).

Направление и стиль исследований Роборовского не изменились, он сохранил то же положение в экспедициях Певцова, но получил еще большую самостоятельность в выборе маршрутов и проведении географических исследований.

Начало уже намеченной Пржевальским экспедиции отодвинулось на

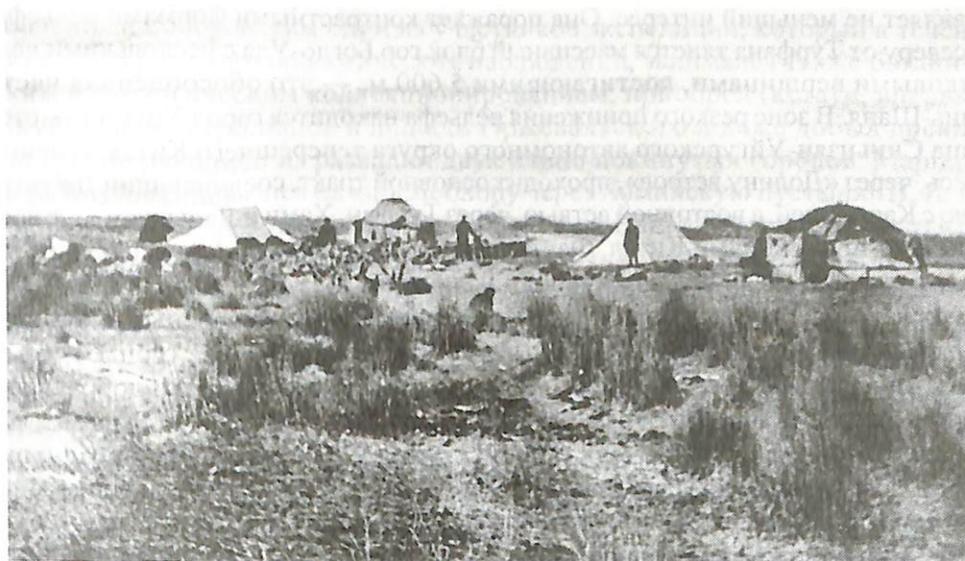
*П. К. Козлов
(1863–1935)*

1889 г., а в целом экспедиции Певцова, Роборовского и Козлова, не выходявшие существенно за пределы программы, намеченной Н. М. Пржевальским, продолжались до 1895 г. Новыми в них были, однако, более длительные стационарные наблюдения и расширение площадных исследований на прежних линиях маршрутов спутников Пржевальского и его самого. Конечно, это имело большое значение, особенно для будущих исследований в Центральной Азии, связанных уже в существенной мере с геологией, площадной картографией, наблюдениями, требовавшими учета сезонности географических и других природных процессов. Стиль исследователя-первопроходца в его классическом виде, возможно, наиболее полно сохранился лишь у В. И. Роборовского — этого последнего представителя школы Пржевальского.

Уже в первой же певцовой экспедиции Роборовский взял на себя географически совершенно новую и наиболее трудную часть исследований в высокогорных районах Куньлуня и Северного Тибета, проводя работы на высотах свыше 5000 м над уровнем моря. На больших пространствах это были холодные каменистые горные пустыни со скалистыми кряжами, совершенно лишенные населения, с редкой специфической растительностью, а чаще лишенные и ее, а о животном мире часто можно было судить лишь по редким остаткам выбеленных временем и морозом костей. Передвигаться было крайне тяжело: из-за низкого давления воздуха дыхание было затруднено, — это было губельно для лошадей, несших основной экспедиционный груз.

В одном из отчетов Роборовский пишет: «Мне в первый раз приходилось быть в такой дикой и ужасной пустыне, и желание познакомиться с ней завлекло меня, быть может, далее, чем следовало». Но Роборовский провел исследования и в «низкой» пустыне Такла-Макан, и по южным предгорьям Восточного Тянь-Шаня. Я хорошо представляю себе эти условия, поскольку в Восточном Тянь-Шане, обращенном к Джунгарии, мне доводилось работать в пределах высокогорных ледниковых полей (г. Ирэн-Хабирган), а по южному склону Тянь-Шаня я прошел вдоль палящей песчаной пустыни Такла-Макан, наблюдая настоящий самум и таинственные миражи. За результаты этой экспедиции Роборовский получил от Географического общества самую драгоценную для него награду — Большую серебряную медаль имени Н. М. Пржевальского.

В Русском географическом обществе Роборовский по праву занял положение, многие годы принадлежавшее Пржевальскому, и Общество справедливо ожидало от него новых больших успехов в дальнейшем изучении географии и природы Внутренней Азии. Одной из первоочередных представлялась длительная экспедиция в Восточный (Китайский) Тянь-Шань (западная его часть входила в состав России) с проникновением в совершенно неисследованную центральную область Большого Юлдуса. По рекогносцировочным наблюдениям Пржевальского, впервые увидевшего обширную высокогорную травянистую впадину с далекой северной окраины Малого Юлдуса, она могла представлять огромный интерес для скотоводства. Второй целью было обследование Люкчунской впадины к югу от Турфана, открытой русскими путешественниками братьями Г. Е. и М. Е. Грум-Гржимайло в 1889 г. [18; 19]. Ее положение в центре Азии, озеро, имеющее отметку 154 м ниже уровня моря, представляли уни-

Бивуак экспедиции Н. М. Пржевальского на берегу озера Лобнор, 1888 г.

кальный интерес для организации метеорологической станции. Третья цель — изучение Наньшаня, где В. А. Обручев уже начал проводить первые геологические исследования. Кроме того, Роборовский надеялся осуществить мечту Пржевальского — добраться из этого горного узла Азии в экзотическую Сычуаньскую впадину Китая. В июне 1893 г. экспедиция вышла из Каракола [17].

Мне удалось весной 1943 г. пройти через бассейн Юлдусов верховым маршрутом из Карашара в Кульджу (около 700 км) и убедиться в исключительном своеобразии этой огромной центральной области Восточного Тянь-Шаня, со всех сторон обрамленной труднопроходимыми горами [20]. По существу, это высокогорное плато протяженностью до 150 км, охваченное широкими меандрами Большого и Малого Юлдусов, образующими истоки бурного Хайдык-гола, вырывающегося через непроходимое ущелье около Карашара в озеро Баграш-Куль [21]. Сток из него проходит через Курлю у окраины знаменитого Куррук-тага, и далее воды теряются в непроходимых песках пустыни Такла-Макан в направлении легендарного озера Лобнор (теперь здесь главный ядерный полигон Китая). Огромная Юлдусская равнина (местами высокогорная тундра) покрыта богатейшими травами, среди которых пасутся стада монгольских кочевий. Весь район изобилует дичью, причем в меандрах косяки лебедей сбиваются в такие плотные стаи, что издали производят впечатление плавающих льдин. Впрочем, так ли это сейчас — более полувека спустя, — утверждать не могу. Не меньше разнообразной пернатой дичи было и на Баграш-Куле; утки, поднятые здесь с воды выстрелами, заслоняли солнце, как тучи. Нет сомнения, что такая же картина наблюдалась и во времена экспедиции Роборовского и Козлова.

Люкчунская, или, как ее теперь чаще называют, Турфанская впадина представляет не меньший интерес. Она поражает контрастными формами рельефа. К северу от Турфана тянется массивный блок гор Богдо-Ула с несколькими ледниковыми вершинами, достигающими 5 600 м, — это обособленная часть Тянь-Шаня. В зоне резкого понижения рельефа находится город Урумчи — столица Синьцзян-Уйгурского автономного округа теперешнего Китая. Именно здесь, через «Долину ветров», проходит основной тракт, соединяющий Джунгарию с Кашгарией, а восточной ветвью, через Турфан, Хами и Ланьчжоу, — с восточными провинциями Китая. Фактически этим путем прошли все центрально-азиатские экспедиции, в том числе и экспедиция В. И. Роборовского. В стороне от него на сотни и тысячи километров тянутся горы, безводные пустыни с редкими колодцами, а вместо дорог идут избитые караванные тропы, веками врезавшиеся в лёссы и солончаки. В марте 1942 г. я за одни сутки добрался из промерзшего Урумчи и пронизанной холодом «Долины ветров» до Турфана, который даже ночью удивил меня теплом, тишиной и удивительным воздухом, пропитанным ароматом знаменитых турфанских дынь и завораживающим запахом тончайшей лёссовой пыли, как бы вошедшей в структуру атмосферы [20].

Время, проведенное Роборовским и его спутниками в Люкчунской впадине, ушло на геодезические работы и организацию первой метеорологической станции. Впервые был определен абсолютный уровень озерной котловины, лежащей, как оказалось, на 130 м ниже уровня моря, что стало мировой сенсацией (современные инструментальные определения увеличили эту отметку еще на 24 м). Удивляться этому феномену было естественно — ведь в нескольких десятках километров к северу от озера Люкчун возвышается гигантский массив гор Богдо-Ула с ледниковыми вершинами до 5600 м, а бурные потоки рек несут во впадину огромное количество воды, которая, не достигая лёссового поля котловины, целиком поглощается шлейфом предгорных галечников. Как я понимаю, подлинный природный феномен состоит здесь в особом проявлении новейшей тектоники: горы Богдо-Ула отделены от впадины активным тектоническим швом, а впадина находится в состоянии такого же активного погружения — изгибаются даже отложения речных террас. Это типично для всего Тянь-Шаня и особенно его фронтальных впадин (Джунгарской, Такламаканской и др.), но я нигде в пределах этой горной страны не наблюдал столь яркого проявления неотектоники, как в Турфане. Неудивительно поэтому, что в Турфанском оазисе с древнейших времен существует подземная ирригационная система в виде связанных между собой кяризов (колодцев).

Тянь-Шаньская часть экспедиции В. И. Роборовского заняла много времени, но и результаты исследований, проведенных им и П. К. Козловым на Юлдусах, Баграш-Куле, Лобноре и Люкчуне, оказались неоценимы. Созданием Люкчунской метеорологической базы в самом центре Азии этот этап путешествия фактически завершился. Далее экспедиции предстояло решить новые задачи, что, при ограниченном числе квалифицированных руководителей и отсутствии конкретных целей, поставленных Географическим обществом в Петербурге, неизбежно требовало разделения экспедиции на самостоятельные группы (впрочем, иногда это приходилось делать и раньше). Такое временное разделе-

ние состоялось в Люкчуне. В качестве наблюдателя здесь был оставлен подготовленный Роборовским один из участников экспедиции, который в течение двух лет, кроме метеорологических наблюдений, занимался также ботаническим и зоологическим коллекционированием, приобрел (кстати, впервые) шкуры диких верблюдов и лошади Пржевальского и даже добыл древние уйгурские рукописи из развалин двух давно покинутых городов. Маршрут П. К. Козлова вновь шел на юг к Лобнору через Хамийскую пустыню. В. И. Роборовскому же предстояло заняться изучением Наньшаня, пройдя через «Долину бесов» (от сильных ветров здесь постоянно гибли караваны) к городу Хами и далее, пересекши пустынные холмы Бейшаня, достигнуть оазиса Са-чжоу. Здесь располагается хорошо известный археологам древний город Дуньхуан, в окрестностях которого находится пещерный буддийский монастырь со скульптурами и красочной росписью стен пещер, относящейся к VI–XI вв. В сущности, отсюда начинается Наньшань, простирающийся в юго-западном направлении до Ланьчжоу (столица провинции Ганьсу). (Эти места мне удалось посетить зимой 1953 г. в связи с оценкой перспектив нефтеносности Юймыня и смежных районов.)

Наньшань с его сложными параллельными хребтами, огромная дикая Цайдамская впадина с озером Кукунор и прилегающие нагорья уже Северного Тибета оказались особенно трудными для исследования из-за плохой проходимости и ужасающих ветров, снежных бурь и холодов. Ураганные ветры в Цайдаме валили с ног не только людей, но и вьючных лошадей и яков, составлявших караван экспедиции. Невероятные трудности путешествия искупались только новизной географических открытий и — местами — исключительным обилием разнообразной дичи. Именно эту часть горной страны, прилегающей непосредственно с северо-востока к Тибету, В. И. Роборовский покрыл наиболее густой сетью маршрутов, хотя свирепые бураны с морозами до 30–35°C были едва переносимы и требовали от путешественников необычайного мужества, выносливости и целеустремленности. Высоты на окраине Тибетского нагорья достигали 4000 м, а склоны были покрыты наледями.

Каждый день приближал путешественников к теплой Сычуани, долгие годы бывшей мечтой Пржевальского. Последними маршрутами Роборовский достиг урочища Юн Ты-чунак в самых верховьях тибетских истоков Хуанхэ, и здесь в бурную ночь на 28 января 1895 г. произошло несчастье. Даже могучий организм В. И. Роборовского не мог выдержать ужасного напряжения труднейших переходов, ночью в палатке у него произошел инсульт, свидетелем которого стал П. К. Козлов. Парализованной оказалась правая нога, нарушилась речь, мучили ужасные головные боли. Несколько дней стоянки не принесли изменений в физическом состоянии Роборовского. Возвращение экспедиции стало неизбежностью, и 5 февраля отряд выступил в обратный путь тем же маршрутом. У подножия гор Амнэ Мачин путешественники пережили боевое столкновение с большой бандой тангутов. С трудом передвигаясь, Роборовский на пути в Люкчун продолжал вести наблюдения и даже делать короткие маршруты, опираясь на одного из спутников. А сама Люкчунская впадина, Турфан и окрестности на этот раз оказались изученными наиболее полно.

Работы и все дела в Люкчуне к 18 октября 1895 г. были завершены, и после прощания с турфанскими уйгурами, через пограничный Тарбагатай, экспедиция вернулась в Россию 21 ноября 1895 г., оставив за собой путь почти в 20 000 км.

По комплексу научных результатов (географических, зоологических, ботанических, этнографических и др.) эта экспедиция Всеволода Ивановича Роборовского вошла в золотой фонд экспедиций Русского географического общества по Внутренней Азии. Ни одна из прошлых экспедиций не была столь результативной. Этот подвиг Роборовского был отмечен Константиновской медалью — высшей наградой Русского географического общества.

Окончательно восстановить здоровье Всеволоду Ивановичу так и не удалось. Тем не менее, несмотря на болезни, он с непреклонным мужеством продолжал работать над собранными материалами и опубликовал в трех томах результаты своей выдающейся экспедиции [22]. Значительная часть материалов обрабатывалась и после его кончины, но часть ботанических и зоологических коллекций не обработана до сих пор [15].

С 1900 г. припадки участились, что заставило Всеволода Ивановича в 1903 г. выйти в отставку с чином полковника и вернуться из Петербурга в свои родные Тараки, где он прожил еще несколько лет. Скончался Роборовский 5 августа (23 июля ст. ст.) 1910 г. на 55-м году жизни и был похоронен на кладбище в селе Овсище в 35 км от Вышнего Волочка.

Благодаря Б. К. Виноградову, посетившему меня летом 2000 г., я совершил замечательную поездку по Удомельскому краю и смог сделать снимки мест жизни и погребения Роборовского. О могиле его я давно уже знал со слов вышневолоцкого уроженца, географа и товарища по Ленинградскому университету С. А. Строма — краелюба милостью Божьей. Сам на этой могиле я впервые побывал в 1979 г., но тогда сделал только зарисовку.

Усадьба Роборовских не сохранилась, она была куда-то перевезена. А стояла она у навесного мостика через реку Волчину, там и сейчас хранят память о прошлом ряды березок на самом берегу. Дочь Роборовских, Вера Всеволодовна, умерла в дни ленинградской блокады. Ее дочь, внучка Всеволода Ивановича, Лидия Николаевна (по мужу Соловьева) долго ничего не знала о своем знаменитом дедушке: мать, опасаясь репрессий из-за дворянского происхождения, ничего не рассказывала ей о своей родословной [3, с. 120].

Литература

1. Рерих Ю. Н. Тибет и Центральная Азия. Статьи. Лекции. Переводы. Самара, 1999.
2. Петербургский Рериховский сборник / Ред. В. Л. Мельников Вып. II–III: Н. К. Рерих. Археология. Книга первая: Материалы Императорской Археологической комиссии (1892–1918). Самара, 1999.
3. Архангельский Н. А. История Удомельского района с древнейших времен до 1900 г. Тверь, 1993.
4. Виноградов Б. К., Архангельский Н. А., Коробков А. Г. и др. География Удомельского района / Ред. Б. К. Виноградов. Тверь, 1999.
5. Гедин С. В сердце Азии. Памир — Тибет — Восточный Туркестан. В 2-х т. СПб., 1899.

6. *Пржевальский Н. М.* От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор / Ред., вступ. статья, примеч. и коммент. Э. М. Мурзаева. М., 1947.
7. *Пржевальский Н. М.* Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки / Ред., вступ. статья, примеч., коммент. Э. М. Мурзаева. М., 1948.
8. *Вальская Б. А.* Василий Михайлович Синицын и Географическое общество СССР // Страны и народы Востока. Вып. 26. Кн. 3. М., 1989. С.67–83.
9. *Пржевальский Н. М.* От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима / Ред., вступ. статья, примеч. и коммент. Э. М. Мурзаева. М., 1948. 2-е изд.
10. *Пржевальский Н. М.* От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима (Четвертое путешествие в Центральной Азии). СПб., 1888.
11. *Мурзаев Э. М.* Николай Михайлович Пржевальский. 1839–1888 // Творцы отечественной науки. Географы / Ред. В. А. Есаков. М., 1996.
12. Роборовский Всеволод Иванович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1899. Т. 52.
13. Роборовский Всеволод Иванович // БСЭ. М., 1955. Т. 36.
14. *Юсов Б. В.* В. И. Роборовский / Ред. Э. М. Мурзаев. М., 1952. 2-е изд.
15. *Юсов Б. В.* В. И. Роборовский — исследователь Центральной Азии // *Роборовский В. И.* Путешествие в Восточный Тянь-Шань и Нань-Шань. Труды экспедиции Русского географического общества по Центральной Азии в 1893–1895 гг. / Ред., вступ. статья и коммент. Б. В. Юсова. М., 1949. С. 3–28.
16. *Левцов М. В.* Путешествие в Кашгарию и Кун-Лунь / Ред., вступ. статья и коммент. Я. А. Маголина. М., 1949.
17. *Роборовский В. И.* Путешествие в Восточный Тянь-Шань и Нань-Шань. Труды экспедиции Русского географического общества по Центральной Азии в 1893–1895 гг. / Ред., вступ. статья и коммент. Б. В. Юсова. М., 1949.
18. *Грум-Гржимайло Г. Е.* (при уч. Грум-Гржимайло М. Е.). Описание путешествия в Западный Китай. Т. I: Вдоль Восточного Тянь-Шаня. СПб., 1896.
19. *Грум-Гржимайло Г. Е.* (при уч. Грум-Гржимайло М. Е.). Описание путешествия в Западный Китай. Т. II: Поперек Бей-шаня и Нань-шаня в долину Желтой реки. СПб., 1899.
20. *Соколов Б. С.* Далеко от войны // Геологи Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны на трудовом фронте. Очерки по истории геологических знаний. М., 1991. Вып. 27. С. 72–90.
21. *Роборовский В. И., Козлов П. К.* Экскурсии в сторону от путей Тибетской экспедиции. СПб., 1896.
22. Труды экспедиции Императорского Русского географического общества по Центральной Азии, совершенной в 1893–1895 гг. под начальством В. И. Роборовского. Ч. I–III. СПб., 1900–1901.